

Семантика сюжета инициации в малой прозе Ю. Фельзена

И. И. Назаренко

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

Исследуется сюжет инициации в рассказах писателя-младоземigrанта Ю. Фельзена как продолжение истории героя романной трилогии («Обман», «Счастье», «Письма о Лермонтове»). Обнаруживается, что редуцированная в романах инициация героя в рассказах конца 1930-х гг. связана с ситуацией смерти, которая провоцирует его личностное и писательское становление («Перемены»). Выявляется, что преобразование героя редуцировано: он возвращается к повседневной жизни («Повторение пройденного»). Рассказы «Композиция» и «Фигурация» подтверждают вывод о несостоявшейся инициации героя. Анализ сюжета инициации приближает к пониманию авторской концепции существования в реальности и в творчестве как «повторения пройденного». Подчеркивается «промежуточное» положение Фельзена в решении проблемы самоопределения русского эмигранта между писателями «старшего» и «младшего» поколений русской эмиграции.

Ключевые слова

литература младоземigrации, Ю. Фельзен, рассказы, сюжет, инициация

Для цитирования

Назаренко И. И. Семантика сюжета инициации в малой прозе Ю. Фельзена // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 119–131. DOI 10.17223/18137083/74/9

Semantics of the initiation plot in short stories by Yu. Felzen

I. I. Nazarenko

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

The paper examines the plot of initiation in the stories of the young émigré writer Yu. Felzen as a continuation of the story of the hero of his novel trilogy. In the short stories of the late 1930s, the initiation of the hero-emigrant that was reduced in the novels is found to be associated with a situation of death, provoking his personal and literary development. The plot of the story “The changes” allows correlating it with the archetypal plot of initiation: the hero, having survived a severe illness, surgery, and the departure of his beloved, seems to be mov-

ing towards gaining new consciousness, towards writing. However, considering the stories following “The changes” allows revealing the reduction of the hero’s initial transformation. The plot of the story “The repetition of the past” shows how “changes” turn out to be a “repetition” of past life situations for the hero, and he evades the existential existence. The stories “The composition” and “The figuration” confirm the conclusion about the failed initiation of the hero. The work of Russian emigrants as extras on the set of the film “The figuration” is the author’s metaphor for the fate of the Russian emigration. The author’s concept of “the repetition of the past” is the repetition of life situations in reality without being able to change anything and follow the geniuses in creative work. According to Felzen, an emigrant is doomed to adapt and repeat in the inauthentic existence of life the situations that happened to him in another culture and at a different age “The composition.” Emigration does not replace a person with another one. Neither does it form his self-sufficiency.

Keywords

literature of young emigration, Y. Felzen, stories, plot, initiation

For citation

Nazarenko I. I. Semantics of the initiation plot in short stories by Yu. Felzen. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 119–131. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/9

В центре художественного наследия писателя-младоземигранта Юрия Фельзена – три романа 1930-х гг., объединяемые исследователями в трилогию («Обман», 1930; «Счастье», 1932; «Письма о Лермонтове», 1935). Менее интерпретированы примыкающие к ней рассказы второй половины 1930-х, в которых продолжается история того же героя («Возвращение», 1934; «Вечеринка», 1936 и др.). Л. Ливак называет прозу Фельзена «романом с писателем», попыткой «создать психологический роман-эпопею о творческом созревании русского писателя-эмигранта по модели, предложенной Марселем Прустом» [Ливак, 2012, с. 7]. «Повторение пройденного» (название одного из рассказов Фельзена и, предположительно, всего литературного проекта) можно считать аллюзией на историю героя Пруста, а в границах истории персонажа – повторяемостью ситуаций в его собственной жизни после эмиграции, трудностями выхода к новому положению в инокультурной среде, что можно интерпретировать как невозможность нового «семантического поля» (по Ю. М. Лотману [1998, с. 228]) в самоопределении героя.

Анализ романной трилогии писателя [Ливак, 2012; Проскурина, 2014], отдельных романов [Соливетти, 2005; Димитриев, 2017] или рассказов [Крюков, 2015] в принципе приводит исследователей к близким выводам об истории главного героя. Л. Ливак оценивает написанные после романов рассказы как «испытательный полигон для сюжетного и философского развития» [Ливак, 2012, с. 7]. Думается, однако, что малая проза младоземигранта заслуживает внимания не только как подготовка к новому роману, не только как развитие романной коллизии, но и как самостоятельное художественное явление, придающее новые черты образу русского эмигранта.

Выбранные для исследования два предвоенных рассказа Фельзена «Перемены» (1939) и «Повторение пройденного» (1938) связаны фабульно с романами, но вводят новый личный опыт персонажа. Мы обратимся эпизодически и к другим рассказам Фельзена, связанным с романами: «Композиция» (1939) и «Фигурация» (1940). Аспект исследования – сюжет инициации – представляется значимым не только в творчестве Фельзена, но всех писателей-младоземигрантов, которые в юности были выброшены из родной среды и вынуждены выстраивать своё существование в чуждом социуме. Исследователи обращали внимание на сюжет

инициации в прозе младоэмигрантов (Е. Н. Проскурина [2009], М. Ю. Галкина [2011], О. А. Дашевская [2014] и др.), обнаруживая тенденцию состоявшейся инициации героя – духовной (в романах Поплавского) и / или социальной (в романах Газданова), что доказывало возможность «второго рождения» молодого русского человека в эмигрантской действительности. Мы попытались проанализировать сюжет инициации в рассказах Фельзена, чтобы понять, возможна ли инициация эмигранта в исконном ее значении, можно ли назвать инициацией самоориентацию в эмиграции героя Фельзена, близкого автору психологически и автобиографически.

Инициация (от лат. *initio* – «начинать, посвящать», *initiatio* – «совершение таинств»), по М. Элиаде, – «совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого. <...> ...равнозначно онтологическому изменению экзистенциального состояния. К концу испытаний неопит обретает совершенно другое существование» [1999, с. 12–13]. Инициация имеет устойчивую трехчастную структуру «выделения индивида из общества (т. к. переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкорпорации в новом статусе» [Токарев, 2008, с. 446]. В. Ю. Даренский называет инициацию «великим интертекстом» культурной традиции: «В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе и художественная литература» [2018, с. 18–19]. В. И. Тюпа считает инициацию «археосюжетом» мировой литературы, включающим четыре фазы: 1) фаза обособления; 2) фаза искушений; 3) лиминальная фаза испытания смертью; 4) фаза преобразования [2001, с. 40]; отдельные фазы инициации (например, преобразование) могут *редуцироваться*.

В центре романной трилогии Фельзена и его рассказов – история отношений мужчины и женщины, русских эмигрантов Володи и Лели, а также история творческого становления Володи. Исследователи называют его писателем, но более точно называть его, согласно Р. Барту, не *писателем*, а *пишущим* [Барт, 1989, с. 137–138]. В романах и рассказах Фельзена писательские способности героя реализуются лишь в создании эготекстов (дневники, письма возлюбленной), он не превращает их в законченное художественное произведение, в роман, замысел которого вынашивает с детства. В нарративе рассказов о детстве и юности Володи в России – «Пробуждение» (1933) и «Композиция» (1939) – введены отрывки из его стихотворений, но в Париже он стихи не пишет.

История взаимоотношений героев романов Фельзена циклична: общение Володи с Лелей и их сближение, измены Лели и ее отъезды из Парижа, возвращения и новые сближения. Устойчива сюжетная ситуация любовного треугольника: Володя – Леля – Сергей Н., Володя – Леля – Бобка («Обман»); Володя – Леля – Шура («Счастье»). Каждый раз Володя оказывается отвергнутым, но не борется за возлюбленную, а лишь наблюдает за ее отношениями с другим, терзаясь и ожидая их разрыва. Тот же механизм сохраняется в продолжающих романную трилогию рассказах («Возвращение», 1934; «Вечеринка», 1936; «Перемены», «Повторение пройденного»). В рассказе «Возвращение», продолжающем фабулу романа «Счастье», Леля окончательно уходит от Володи, а в рассказе «Вечеринка» возникает новый любовный треугольник – Володя – Леля – Павлик, в котором отвергнутый центральный персонаж мучит возлюбленную ревностью.

Рассказ «Перемены» важен в истории, потому что в нём впервые автор испытывает героя, не участвовавшего в Гражданской войне и никогда не подвергавшегося смертельной опасности, ситуацией смерти: тяжелой болезнью и операцией. Намечена перспектива развития героя, в отличие от романов, где его характер не менялся, а раскрывался в разных проявлениях устойчивых свойств. Ситуация инициации заявлена в заглавии рассказа «Перемены». Сюжетно наиболее развернута лиминальная фаза инициации, а фаза преображения лишь намечена. Причем это инициация не молодого героя, а зрелого, но изменение не социальное, а психологическое.

В рассказе «Перемены» три части. Володя является одновременно нарратором, который ведет дневник, где излагает и анализирует происходящее с ним, и персонажем повествуемой им самим истории. Дистанция между временем повествования и повествуемым временем незначительна: от чуть более недели (первая часть) до нескольких дней (вторая и третья части). Иначе говоря, инициация героя показана как часть процесса и без изображения результата: нарратор является субъектом не изменившимся, а изменяющимся.

Первая фаза сюжета инициации – обособление – намечена в начале первой части рассказа. Внешняя «перемена» в жизни героя, разрушившая его прежнее существование, – отъезд Лели с Павликом из Парижа в Канны. Но выход из привычного мира не связан с выходом из физического пространства, а инициация происходит в прежнем пространстве, где изменилось состояние мира. Герой не действующее лицо, его изменения не связаны с внутренней интенцией, целиком зависимы от действий других персонажей, от состояния его тела (хотя здесь возможна и такая интерпретация: болезнь есть результат духовного потрясения после очередной измены любимой женщины). Герой не субъект сюжета, не актёр, а покидание иницируемым героем мира сводится к изменению качества внешнего мира. Внутренний мир героя, будучи ориентирован на женское присутствие, является миром женским, и Володя, зависимый от Лели, несмотря на ее отношения с другим, продолжал общение с ней и искал ее общества (рассказ «Вечеринка»). Душевное омертвление героя после отъезда Лели метафорически обозначено природным временем – «худосочная парижская зима» [Фельзен, 2012, с. 58]¹. Володя испытывает душевные страдания как физические, хотя отъезд любимой женщины лишь совпадает с его болезнью («запущенный гнойный аппендицит» (с. 57)).

Тем не менее Фельзен создает пространственное обособление героя (что соответствует сюжету инициации): герой попадает в русскую больницу, где осознаёт болезнь как выпадение из реальности, не только из пространства: «теперешнее состояние – оторванности от прежнего мира» (с. 59).

Во второй фазе инициации испытания героя выражены: а) телесными страданиями (боли, удушье, головокружение); б) отказом от пищи (не может есть из-за тошноты); в) лишением возможности писать, что соответствует символической немоте (после операции интимный процесс писания дневника невозможен из-за отсутствия соседа). Страдания усиливаются лечением: молодой врач по ошибке прописывает Володе слабительное. Стойкость больного в перенесении страданий профанируется источником страданий, поэтому мужественность и сдержанность как свойство характера дискредитируются как безволие: он терпит боли, скрывает

---

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

страдание от Лели при расставании на вокзале – всё это показывает его пассивность, редуцированную способность к жизни и творчеству.

Первоначальное равнодушие к собственной судьбе, вызванное отъездом любимой («незачем жить и не стоит бороться» (с. 57)), после обморока и осознания хрупкости жизни сменяется желанием жить. Во второй фазе Володя приобретает «помощников» – Шуру и Риту, но болезнь (немоть, слабость) сближает с бывшим соперником в притязании на любовь Лели, белогвардейцем Шурой, который, вместе с женой Ритой, бескорыстно помогает ему. Осознав их заботу, Володя стыдится прежнего соперничества, кажущегося ничтожным теперь, когда Леля не с ним, но и не с Шурой. Толерантность представляется не этическим выбором, а склонностью приспособляться к условиям существования. Другими «помощниками» Володи выступают в рассказе врачи и санитары, которые сочувствуют ему, излечивают его. Не действия самого героя, а поступки других действующих лиц определяют положение героя рассказа и исход ситуации. Профанация зависимости от других в рассказе возникает как в упоминании ошибки врача, так и в невозможности долечиться в клинике, поскольку Володя не может оплатить лечение и должен выписаться до полного выздоровления.

Третья, лиминальная фаза заостряется в рассказе до смертельной опасности и разворачивается в больнице – пограничном между жизнью и смертью пространстве. Операция оказывается срочной и сложной, но Володя, зависимый от оценки женщины (Лели, а в ее отсутствие – любой другой), пытается вести себя стойко, чтобы произвести впечатление на «докторшу-ассистентку», но не справляется со страхом, лишь действие наркоза успокаивает его.

Наркотическое состояние Володи – метафорическая смерть, но после пробуждения испытания не кончаются: у него обнаруживают воспаление легкого, он вынужден задержаться в больнице. Так фабульные повторы показывают героя как жертву, как объект внешних сил (и окружающих людей, и собственной телесной природы). Однако телесная природа обладает витальными возможностями, толкающими носителя тела к активности, что может стать началом изменения способа существования. Болезнь заставляет героя обратить внимание на свое тело, связывающее с материальной реальностью, способной как отнять жизнь, так и наделить силами сопротивления давлению извне, побудить к поступкам разного рода. Володя осознает, что нужно сопротивляться болезни, разрушающей его тело: «без борьбы распадется, развеется мое исхудавшее тело, но сейчас оно приковано к месту и тем доступнее для губительных сил» (с. 60). Близость смерти обостряет эротическое влечение к женщине (медсестре), витальные силы, но они не реализуются в поступках персонажа. С одной стороны, это развитие авторской характеристики русского эмигранта как безвольного существа, с другой стороны, в этой ситуации проявляется идеализированная верность единственной любви, свойственная персонажу Фельзена и выражающая авторскую концепцию русского интеллигента.

Сон героя о Леле – онейрическая стадия лиминальной фазы. Но в подсознании не восхождение к метафизическому миру, а лишь повторение оставшихся в памяти фрагментов эмпирической реальности (парижское кафе). Во сне Леля отчуждена от героя, она с Павликом. Функция сна – предсказать замужество Лели, это предзнание невозможности соединения Володи с Лелей, показатель интуитивной готовности к поражению. Поэтому желание писать после сна показывает причину творческой интенции: она заключается в компенсации недостижимого в реальности, и действие редуцируется до письма о недостижимом. Телесный образ любви

мой женщины размывается, важнее присутствие в сознании, в духовном мире, именно оно воскрешает Володю (соответственно христианскому пониманию воскресения как духовного акта, а не физического оживления): «мягко точеные Лелины черты, расплываясь в сонном тумане, постепенно стали тускнеть и превратились в едва различимое пятно, однако, проснувшись, я сохранил очарование, свежесть, остроту ее незабываемого присутствия, хотя и не мог бы воскресить ее лицо, выражение глаз, ее сияющую ангельскую кожу» (с. 61). Леля ассоциируется с ангелом, сон получает семантику преобразования земной реальности в сознании любящего. Сон помогает вспомнить о прежней полноте жизни рядом с любимой: и о моментах счастья, и о боли, одинаково важных для творческого импульса. Процесс создания текста ассоциируется с процессом жизни: из-за болезни тяжело писать, но по мере выздоровления писать становится легче.

Поскольку метафизическая реальность отсутствует у Фельзена, устойчивая стадия лиминальной фазы инициации – путешествие в загробный мир / общение с мертвыми – редуцируется в рассказе до сцены визита к Володе его бывшего друга Лаврентьева, большевика из Советской России. Для героя Фельзена это враждебное и мертвенное пространство («там» (с. 72), что позволяет соотносить его с «тем» светом, миром мертвых в авторской оценке). Для Володи новое, обретенное в эмиграции, пространство перестало быть без Лели. Лаврентьев не призывает его вернуться в Россию, но искушает смириться с властью большевиков в родной стране, в общении с эмигрантом демонстрирует человечность, заботу о потерявшемся и одиноким человеке. Но этот вариант поступка снижается автором сюжетно: Лаврентьев оказывается не помощником, а ложным соблазнителем: опасаясь дискредитации, он уезжает в Россию, не попрощавшись с Володей, несмотря на обещание зайти. В этом видится семантика косвенного разоблачения советского мира, где нет подлинной свободы даже в проявлении человечности. Однако и в этой сюжетной ситуации Фельзен показывает способность героя-эмигранта к поступку, к самостоятельному выбору. Герой снова готов простить непоследовательность бывшего друга, готов оправдать свое существование в эмиграции как неизбежность. В финале рассказа он думает, что в эмиграции не обретение подлинного существования, но спасение: «какое лицемерие “там”, сколько заведомо фальшивых утешений, и какая “здесь” могла бы создаться благожелательная искренность во всем, безутешная, суровая, но мужественная, никого не вводящая в обман» (с. 72–73).

Лиминальная фаза продолжается в третьей части рассказа: герой будто бы не возвращается к прежним условиям жизни, но он лишь переселяется из отеля в квартиру Риты и Шуры, которые ухаживают за ним: «новая тихая жизнь постоянно и сладостно приятна... <...> я как бы дома» (с. 64). Снова герой принимает предложенные условия, а не формирует ценностно значимые для него самого. Известие, что Леля вышла замуж за Павлика, также не приводит к новой духовной ситуации, не обостряет страдания, не толкает к выбору нового объекта любви, а лишь вынуждает отдалить на неопределенный срок надежду на ее возвращение.

Нарративно третья часть рассказа для героя, преодолевшего смертельную опасность, является исповедью и подведением итогов. В финале *намечается* фаза не преобразования, а лишь некоторого внутреннего изменения героя. Покинув повседневную реальность из-за болезни, он отстраненно смотрит на себя, приближаясь к пониманию своей духовной слабости и трусости, неспособности бороться за любовь и за положение в социуме. Он винит не Лелю, а себя, но за то, что не

мог обеспечить их жизнь (по сути – находит оправдание себе). Оправдание своей сущности герой ищет в признании неизменной любви к Леле, но при этом он принимает власть нелюбящего человека: «и пускай вы меня разлюбили, пускай расстались, порвали со мной, я могу, я вас должен любить и без вашей ответной любви» (с. 69).

Общение с Лелей отвлекало от творчества, но и ее отсутствие в его жизни было губительно, для творческой работы нужны и душевные мучения. Герой стремится принять христианское понимание любви – неэгоистической и не связанной с физическим влечением. Такая любовь – «благодать, или Божий подарок, или небо, сошедшее на землю, или сила, нас чудом вознесшая на почти недоступные высоты» (с. 72). Теперь герой не рассчитывает на взаимность, что избавляет от ревности, помогает преодолевать зависимость от ее присутствия. Но перерождения, преображения ни к христианской любви, ни к агрессивной компенсации в нелюбви не происходит. Точно так же не рождается писатель, способный отразить опыт своего личного, без зависимости от помощников и возлюбленных, образа жизни. В отсутствие полноты жизни, в отсутствие своей значимости для других писатель не родился. Перечитывание ранних дневников приводит к пониманию своей творческой незрелости, но механизм «непоступка», отсутствия выбора остается неизменным и в творческих интенциях: Володя перерос свои прежние тексты, но не отказывается от них, видит в них будущее. Преображения не произошло, душевный сдвиг порождает лишь мечты: возможность «любовно-дружеского союза», который не удалось построить с Лелей, проецируется сначала на ближайших знакомых – «тайный мистический круг», затем на всю русскую эмиграцию (следы беседы с Лаврентьевым) – «огромное осмысленное целое, освобожденное от алчности и грубости» (с. 73). Центральная роль в этом союзе отводится художникам, к которым герой причисляет и себя: «необходимо только стараться, <...> и около нас образуется как бы тайный мистический круг из людей, облагороженных нами, перенявших заманчиво трудное умение опираться на собственный опыт и бережно его сохранять для тех, кого он затронет, кому он действительно нужен» (с. 73). Воспроизводится миф о миссии художника, которая в целом соответствует представлению младоэмигрантов о писателе (см. финал романа Б. Поплавского «Домой с небес»): преобразить мир творчеством невозможно, но можно транслировать свой внутренний опыт читателю, чтобы помочь ему в духовном преображении и освобождении от механического существования. В этой иллюзии только и проявляется смысл инициации героя в «Переменах».

В контексте сюжета инициации значима связь рассказа «Перемены» с последним романом Пруста «Обретенное время» из цикла «В поисках утраченного времени», на который ориентировался Фельзен. Ситуация болезни героя рассказа, подталкивающая его к писательству, отсылает к «Обретенному времени». Астма прустовского Марселя смертельна, преодолев лень и инерцию в творческой работе на пороге смерти, он приступает к созданию романа наперегонки с уходящим временем. Воспаление легкого у фельзенского Володи отсылает к астме Марселя, но Фельзен лишает героя смерти, и пороговая ситуация оказывается обратной, провоцирует на продолжение прежнего образа жизни. Марсель преобразует собственную движущуюся к концу жизнь в образе человеческой жизни, создает роман; Володя же останавливается на намерении написать роман. Стоит признать необоснованным вывод Л. Ливака: «Подобно роману, задуманному прустовским Марселем, “воображаемый роман”, о котором мечтает Володя и к которому он медленно продвигается по мере своего художественного развития, уже написан.

<...> ...состоит из тех самых дневниковых записей и писем» [Ливак, 2012, с. 20]. Володя остается автором дневников и писем, которые скрепляются в художественное целое сознанием автора-творца, сам герой не воспринимает их как свое создание.

Рассказ «Повторение пройденного» продолжает фабулу «Перемен», хотя опубликован на год раньше, в 1938-м, что свидетельствует о незаконченности фельзенского «романа с писателем», о невыстроенности его композиции, но о сложившейся концепции героя и человека в эмиграции (метафора человека, утратившего самоориентацию в другом мире). Е. Н. Проскурина считает, что «Повторение пройденного» – «произведение <...> пороговое, выводящее прозу Фельзена из камерной сферы в большую жизнь» [2014, с. 105]. Этот рассказ – редукция инициальной фазы преобразования, намеченной в «Переменах». В сюжете рассказа показано, как «перемены» в судьбе героя сменяются «повторением» пройденных жизненных ситуаций, а сам он оказывается релятивным человеком, который, преодолев пограничную ситуацию, уклоняется от экзистенциального существования, в отличие от прустовского Марселя.

В. И. Тюпа указывает, что инициальное преобразование героя часто «сопровождается возвращением героя к месту своих прежних, ранее расторгнутых или ослабленных связей, на фоне которых акцентируется его новое жизненное качество» [2001, с. 42]. В «Повторении пройденного» выздоровевший Володя возвращается в поток жизни, но сущностно он не изменился.

В «Повторении пройденного» две части, Володя, как и в «Переменах», выступает нарратором-персонажем. В первой части рассказа Володя дан в кафе, «в одиночестве, без денег, без будущего» (с. 38), но с ощущением счастья благодаря новому чувству любви к Леле, что фиксирует дневник, но не сюжет: «уже не долг, беспокойный и трудный, а нечто победительно прекрасное» (с. 38).

Вдохновение связывается и с воспоминаниями о Леле, и с существованием в иллюзиях о возможности мгновений счастья, и с прочтением книги о Прусте. В размышлениях о Прусте открывается несамостоятельность героя в творческой работе, необходимость в образце-ориентире. Это близко к основной сюжетной ситуации романа Фельзена «Письма о Лермонтове» – чтение и интерпретация Володей творчества Лермонтова, попытка обрести в Лермонтове эстетический принцип и жизненный ориентир. Подобно Прусту, Володя благодаря случайному впечатлению (услышал в кафе увертюру вагнеровской оперы) собирает поток связанных с музыкой воспоминаний в «обретенное время»: «детство, когда впервые эту увертюру <...> я на рояле по нотам разбирал, рассказы отца, ее любившего и неизменно в ней узнававшего свою похороненную молодость, <...> и вот для меня восстановилось единство, слияние времени, семьи, Петербурга, России, заграничьи» (с. 38). Нарратор-персонаж внимателен и к действительности, к окружающим людям, которых пытается понять, чтобы понять природу человека. В этом перспектива развития Володи, но он по-прежнему лишь готовится к писательству: он пишет дневник, не адресованный реальному читателю, которого мог бы преобразить, как он понимает свою миссию.

Весна – время действия рассказа – связана не столько с духовным возрождением Володи после физического выздоровления, сколько с новым циклом его жизненного пути и его взаимоотношений с Лелей. Преодоление зависимости героя от физического присутствия Лели оказывается мнимым. Узнав о скором приезде любимой в Париж, Володя надеется на возобновление прежнего образа жизни.

Вторая часть рассказа разворачивается после возвращения Лели, когда сам герой признается в зависимости от нее. Сохранивший верность чувству к Леле, Володя замечает, что его любимая охладела к Павлику, когда тот потерял работу, погряз в долгах и не может обеспечить их совместную жизнь. Релятивность и земные критерии любви у его возлюбленной, у женщин ему понятны. Но и Володя, вопреки установке на теплоту отношений к людям, на понимание, радуется презрению Лели к сопернику. Так деромантизируется автором доминанта внутреннего мира героя – верность любви; вновь акцентируется в персонаже довольствование отпущенным, неличность существования. Фельзен лишает своего героя черт героя, экзистенциальной самодостаточности, в чем приближается к набоковской оценке русского эмигранта как продолжению типа «маленького человека» (пусть и не «подпольного человека», как у Набокова в «Соглядатае»).

Володя не надеется на возвращение Лели к нему, но понимает возможность очередного ее ухода (на этот раз от мужа) к покровителю Павлика, дельцу, «фильмовому магнату» Арману Давыдову. Экзистенциальная и этическая недостаточность проявляется как в злорадстве по отношению к сопернику, так и в убежденности, что не вольны в обладании любовью и социально состоятельные люди. Хотя в сюжете рассказа Леля не замечает интереса Армана к себе, намек на их возможную связь дается в размышлениях Володи: «Арман Григорьевич вами увлечен... <...> Его успех едва ли возможен, но, кажется, пора привыкать и к этим невозможным сочетаниям» (с. 43). Намек основан и на признании самого Армана Володе. Мысленно Володя «отдает» женщину ему, проявляя в этом готовность к уступке своего всякому, кто сильнее.

В топосах второй части рассказа «Повторения пройденного» – русском ресторане и баре, где сидит Володя с Лелей и ее знакомыми, – должны выражаться торжество и гармония жизни (семантика еды, питья, общения, веселья). Однако это жизнь мнимая: «всё одинаково поддельно – и цыгане, и угрозы кинжалами, и богатство Аньки Давыдова, и пресловутая его широта» (с. 43). В рассказе «Перемены» после болезни Володя мечтает об эмигрантском братстве, в финале «Повторения пройденного» он остается с не понимающим его Арманом, которого презирает, но пытается ему понравиться. Инициация героя ни в ситуации болезни, ни – в целом – в эмиграции не состоялась: сущностно он не меняется, постоянно возвращаясь к неподлинному существованию.

Невозможность инициации как «второго рождения» русского эмигранта объясним, обратившись к роману Фельзена «Письма о Лермонтове», в котором Володя признаётся в разрушенности своего поколения историческими катаклизмами начала века.

Повторяемость в жизни Володи одних и тех же ситуаций можно объяснить обращением к рассказу Фельзена «Композиция» (опубликован в 1939 г. после «Повторения...»), но до «Перемен»). Этот рассказ, как и «Пробуждение» (1933), посвящен не жизни героя в эмиграции, а его воспоминаниям о юности, о последних годах в России. Место рассказов о жизни Володи в России в контексте «романа с писателем» Фельзена не определено, но думается, что их функция – объяснить характер героя, показать события, сформировавшие его характер (реалистический принцип).

В «Композиции» воспроизводится знакомая сюжетная ситуация любовного треугольника между юным Володей, его приятельницей Тоней и более взрослым Алеком. Героя влечет к недоступной для него девушке (Тоня), но он не решается на поступок (признаться в чувствах, подарив красные розы) и пасует перед более

приземленным, но более опытным и успешным соперником (Алек). При этом он не замечает девушку, которая тянется к нему (Люся). После неудачи он сохраняет чувство к Тоне, на длительное время делает ее центром своих мыслей и мечтаний: «Я словно ждал какого-то чуда, какой-то внезапной перемены, ее признания, трогательных слез, но ничего для этого не делал» (с. 53). Механизм поведения героя в отношениях с любимыми женщинами повторяется в любовном сюжете романов и рассказов о постоянстве любви к Леле. Повторяемость идеализирует любовное чувство персонажа и в целом его претензии на верность себе. На основе сюжетов рассказов о неинициируемом персонаже можно делать вывод о концепции автора: об отсутствии самостояния человека, оказавшегося в эмиграции, шире – в современной социокультурной релятивной ситуации. Эмигрант обречен на приспособление и повторение в неподлинном существовании жизненных ситуаций, произошедших с ним в другой культуре и в другом возрасте. Эмиграция не подменяет человека другим, но и не формирует самодостаточность.

Последний опубликованный рассказ из ряда произведений об одном персонаже («Фигурация», 1940) подтверждает гипотезу о невозможности инициации русского эмигранта. Название рассказа связано с семантикой повторяемости: фигурация в музыке – «один из методов фактурной обработки музыкального материала; фактурный рисунок голосов. <...> ...характерна повторяемость мелодического рисунка» [Катунян, 1990, с. 574]. В рассказе Володя принимает предложение поработать статистом (исполнителем второстепенной роли) на съемках исторического фильма. Он воспринимает это как падение, но не бунтует, а принимает свое положение: «как-то опускаюсь, как-то сдаюсь в житейской борьбе, раз должен согласиться на самую жалкую в ней роль» (с. 74). Леля не появляется в рассказе, центральный персонаж лишь упоминает, что не занял выгодное место секретаря Давыдова, а отдал его мужу Лели, Павлику, но не из бескорыстной любви, а из прагматической возможности общения с любимой. Володя остается «статистом» и в реальности (в отношениях с Лелей), и в писательстве (не написал роман). Сцена съемок русских эмигрантов, имевших до революции высокое социальное положение, в роли английских крестьян – авторская метафора судьбы русской эмиграции: их объединяет униженность и покорность. Наиболее прагматичным удалось приспособиться с чуть более высоким положением в чужом социуме: Бобка, бывший соперник и приятель Володи, которого он презирал (события романа «Обман»), – помощник на съемках фильма, распоряжающийся своими соотечественниками.

Таким образом, анализ сюжета инициации в малой прозе Фельзена приближает к пониманию авторской концепции существования в реальности как «повторения пройденного», вопреки изменению внешних условий. По Фельзену, и в творчестве эмигрант следует за гениями, обрекая себя на невоплощенность творческих претензий. В констатации невозможности инициации как «второго рождения» русского эмигранта Фельзен занимает промежуточное положение между «младшим» и «старшим» поколениями русской эмиграции. Герои младоэмигрантов способны внутренне измениться («Домой с небес» Б. Поплавского, «Любовь вторая» В. Яновского, послевоенные романы Газданова), а герои-эмигранты писателей «старшего» поколения отказываются от жизни в распадающемся мире («Распад атома» Г. Иванова), уходят в мир творчества («Дар» В. Набокова) либо имитируют пересоздание жизни («Соглядатай» В. Набокова). Герой Фельзена примиряется с действительностью, оправдывая и объясняя себя возможностью творчества.

Список литературы

- Барт Р.* Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 133–142.
- Галкина М. Ю.* Художественно-философские аспекты прозы Бориса Поплавского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 32 с.
- Даренский В. Ю.* Интертекст инициации в структуре литературного произведения // Интертекстуальность художественного дискурса: Материалы Всерос. науч. конф. / Сост.: Г. Г. Исаев, А. А. Боровская, Т. Ю. Громова, И. Ю. Целовальников; под ред. Е. Е. Завьяловой. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2018. С. 17–25.
- Дашевская О. А.* Сюжет инициации в повести Вадима Андреева «История одного путешествия» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 42–50.
- Димитриев В. М.* Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920–1930 гг.) и роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 294 с.
- Катунян М. И.* Фигурация // Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 574.
- Крюков А. А.* Проблема соотношения автора и героя в прозе Юрия Фельзена (на примере рассказа «Неравенство») // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 86–89.
- Ливак Л.* «Роман с писателем» Юрия Фельзена // Фельзен Ю. Собрание сочинений: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 6–39.
- Лотман Ю. М.* Об искусстве. Структура художественного текста. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 285 с.
- Проскурина Е. Н.* Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова. М.: Новый хронограф, 2009. 387 с.
- Проскурина Е. Н.* Проза Юрия Фельзена: черновик для недовершенно змысла // Культура, история и литература русского мира: общенациональный и региональный аспекты: Сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. с международным участием «Человек и мир человека». Барнаул, 2014. С. 95–105.
- Соливетти К.* «Письма о Лермонтове» Юрия Фельзена: автор как персонаж // Соливетти К. Автор и его зеркала. СПб.: Алетейя, 2005. С. 209–229.
- Токарев С. А.* (гл. ред.) Инициация и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 2008. С. 446–447.
- Тюна В. И.* Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 58 с.
- Фельзен Ю.* Собр. соч.: В 2 т. М.: Водолей, 2012. Т. 2. 324 с.
- Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / Пер. с фр. Г. А. Гельфанд; науч. ред. А. Б. Никитин. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.

References

- Bart R. Pisateli i pishushchie [Writers and those who write]. In: Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Chosen works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 1989, pp. 133–142.
- Darenskiy V. Yu. Intertekst initsiatsii v strukture literaturnogo proizvedeniya [Intertext of initiation in the structure of a literary work]. In: *Intertekstual'nost' khudozhestvennogo diskursa: Materialy Vseros. nauch. konf.* [Intertextuality of artistic discourse –

2018: materials of the All-Russian sci. conf.]. Astrahan', "Astrakhanskiy universitet" Publ. House, 2018, pp. 17–25.

Dashevskaya O. A. Syuzhet iniciacii v povesti Vadima Andreeva "Istoriya odnogo puteshestviya" [The plot of the initiation in the Vadim Andreev's story "The story of one journey"]. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 4, pp. 42–50.

Dimitriev V. M. *Koncepcii pamyati v proze mladshogo pokoleniya russkoj emigracii (1920–1930 gg.) i roman F.M. Dostoevskogo "Podrostok"* [The concepts of memory in prose of the younger generation of the Russian emigration (1920–1930) and the F. M. Dostoevsky's novel "Teenager"]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2017, 294 p.

Eliade M. *Taynye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya* [Secret societies. Initiation and initiation rites]. G. A. Gel'fand (Transl. from French), A. B. Nikitin (Sci. ed.). Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 1999, 356 p.

Fel'zen Yu. *Sobr. soch.: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols]. Moscow, Vodoley, 2012, vol. 2, 324 p.

Galkina M. Yu. *Hudozhestvenno-filosofskie aspekty prozy Borisa Poplavskogo* [Art-philosophical aspects of Boris Poplavsky's prose]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2011, 32 p.

Katunyan M. I. Figuratsiya [Figuration]. In: *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Musical encyclopedic dictionary]. G. V. Keldysh (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, p. 574.

Kryukov A. A. Problema sootnosheniya avtora i geroya v proze Yuriya Fel'zena (na primere rasskaza "Neravenstvo") [The problem of the relationship between the author and the hero in the Yuri Felzen's prose (on the example of the short story "Inequality")]. *Vestnik of Kostroma state university*. 2015, no. 6, pp. 86–89.

Livak L. "Roman s pisatelem" Yuriya Fel'zena [Yu. Felzen's "Affair with a writer"]. In: Fel'zen Yu. *Sobranie sochineniy: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols]. Moscow, 2012, vol. 1, pp. 6–39.

Lotman Yu. M. *Ob iskusstve. Struktura hudozhestvennogo teksta* [About art. The structure of the artistic text]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1998, 285 p.

Proskurina E. N. *Edinstvo inoskazaniya: o narrativnoy poetike romanov Gayto Gazdanova* [Unity of allegory: about the narrative poetics of Gaito Gazdanov's novels]. Moscow, Novyy khronograf, 2009, 387 p.

Proskurina E. N. Proza Yuriya Fel'zena: chernovik dlya nedovoploshchennogo zamysla [Yuri Felzen's prose: a draft for an under-embodied plan]. In: *Kul'tura, istoriya i literatura russkogo mira: obshchenatsional'nyy i regional'nyy aspekty: Sb. st. i materialov Vseros. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem "Chelovek i mir cheloveka"* [Culture, history and literature of the Russian world: National and regional aspects. Coll. of art. and materials of the All-Russian sci. conf. with intern. participation "Man and the world of man"]. Barnaul, 2014, pp. 95–105.

Solivetti K. "Pis'ma o Lermontove" Yuriya Fel'zena: avtor kak personazh [Yu. Felzen's "Letters about Lermontov": the author as a character]. In: Solivetti K. *Avtor i ego zerkala* [The author and his mirrors]. St. Petersburg, Aleteyya, 2005, pp. 209–229.

Tokarev S. A. (Ed. in Ch.) *Initsiatsiya i mify* [Initiation and myths]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, Sov. encikl., 2008, pp. 446–447.

Tyupa V. I. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* [Narratology as an analytics of narrative discourse]. Tver', TSU, 2001, 58 p.

Сведения об авторе

Назаренко Иван Иванович – аспирант кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия)

Nazarenko42@yandex.ru

Information about the author

Ivan I. Nazarenko – Post-graduate student of the Department of the History of Russian Literature of the 20th Century, Faculty of Philology, TSU (Tomsk, Russian Federation)

Nazarenko42@yandex.ru